

Антонов Е. П. Якутская эмиграция : особенности адаптации и коммуникации / Е. П. Антонов, В. Н. Антонова // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 228—244. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-228-244.

Antonov, E. P. Antonova, V. N. (2019). Yakut Emigration: Features of Adaptation and Communication. *Nauchnyi dialog*, 11: 228-244. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-228-244. (In Russ.).

УДК 94(47).084.3/.6+314.743(=571.56=512.157)“1920/1940”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-228-244

ЯКУТСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ И КОММУНИКАЦИИ¹

© Антонов Егор Петрович (2019), orcid.org/000-0002-5779-6893, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), Antegor@yandex.ru.

© Антонова Венера Николаевна (2019), orcid.org/0000-0002-8372-4893, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики Педагогического института, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (Якутск, Россия), Antegor@mail.ru.

Рассматриваются вопросы адаптации якутских эмигрантов, вынужденных бежать от революции, Гражданской войны и ГУЛАГа в разные страны. Охарактеризована роль якутских эмигрантов в сохранении национально-культурной идентичности. Подчеркивается их участие в цивилизационном диалоге Востока и Запада. Предлагается классификация этапов формирования локальных групп и микрогрупп якутских эмигрантов в странах мира. Установлена приблизительная численность, состав и территориальное распределение якутов-эмигрантов в Китае (центральная группа), Японии (южная часть Сахалина), Финляндии, наличие микрогрупп в США и Австралии. Уделяется внимание особенностям взаимодействия якутских эмигрантов в условиях отсутствия зарегистрированной организации путем коммуникации, в которой реализовывалась организационная, идейная, материальная деятельность. Доказано, что переписка осуществлялась на русском, английском языках, а также использовались разные транскрипции якутской письменности: бётлингковская, новгородовская, кириллическая. Особое внимание обращается на высокую мобильность якутских эмигрантов, их стремление к овладению новыми языками, квалификацией и образованием для успешной адаптации в Зарубежье. Сделан вывод о том, что сформировать механизм воспроизводства этнической идентичности (языка, культуры) на чужбине якутским эмигрантам не удалось. Установлено, что организованного противодействия репатриации со стороны якутов-эмигрантов не было, но все возвращенцы были необоснованно репрессированы органами НКВД.

Ключевые слова: якутские эмигранты; коммуникация; адаптация; интеллектуальное наследие; переписка; репатриация; Народный комиссариат внутренних дел СССР; НКВД; репрессии.

1. Введение

Изучение коммуникативных связей адаптировавшихся за границей национальных меньшинств из России в 1920—1940-е годы имеет актуальный характер. Интерес представляют обширные, на мировом уровне (Япония, Китай, США, Финляндия, Австралия), коммуникации якутской колонии. Материальная и духовная

1 Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Локальная и региональная история в глобальном измерении: мир якутской эмиграции между Востоком и Западом» № 18-09-00414. Авторы приносят искреннюю благодарность анонимному рецензенту за высказанные ценные замечания, позволившие значительно улучшить текст статьи.

культура якутов сформировалась на пограничье Востока и Запада (в лице российской цивилизации). По данным переписи 1897 года в Якутской области якуты по своей численности в 221 463 чел. (82,1 %) абсолютно преобладали, а русские в 30 225 чел. (11,2 %) составляли меньшинство [Игнатьева, 1994, с. 18—19]. К тому же якутский язык среди языков других народов Якутии: тунгусов, ламутов (эвенов), юкагиров, русских старожилов — был преобладающим, общим для всех, и на нем говорили «всегда свободнее, чем на родном своем языке» [Краткая грамматика ..., 1858, с. 5]. Якутский язык имел такой же статус на Северо-Востоке России, как французский в Западной Африке. Отсюда культурная однородность населения Якутской области: для него якутский язык был основным средством общения.

Изучение исторического опыта якутских эмигрантов по сохранению собственной национально-культурной идентичности, а также их участие в цивилизационном диалоге Востока и Запада представляют интерес для выявления адаптационного потенциала и стратегии поведения представителей малочисленного этноса в чуждой инокультурной и иноязычной среде. Раскрытие данной темы, несомненно, будет способствовать преодолению не изжитого до сих пор раскола в общественном сознании, внесенного революцией 1917 года и Гражданской войной.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу новых жизненных сценариев и особенностей культурного воспроизводства якутской эмиграции в контексте глобальной имперской истории в 1920—1930-е годы. Социальный феномен этнической эмиграции якутов развивался в мире, где преобладали крупные империи. С целью нацистроительства и национальной мобилизации интеллектуалы окраин имперской России оперировали глобально циркулирующими идеями национальной парадигмы, социальной справедливости, образовательно-просветительскими проектами. Опыт самореализации якутской эмиграцией своего профессионального и интеллектуального потенциала в Зарубежье остается «белым пятном» в истории Якутии. Целью данной статьи является реконструкция адаптационного и коммуникационного механизма жизненной стратегии якутских эмигрантов в инокультурной среде.

2. Численность и география расселения якутских эмигрантов

В результате революции 1917 года, Гражданской войны и репрессий якутские эмигранты уехали либо бежали из мест заключения в такие страны, как Япония, Китай, США, Финляндия и Австралия. С 1920 года в Стране восходящего солнца действовала «система предъявления денег», когда каждый въезжающий на таможне должен был подтвердить наличие у него минимальной для проживания суммы в 1500 иен. В 1922 году японцы приняли решение не разрешать русским судам долговременную стоянку в своих портах. При этом они ссылались на свои предупреждения, что попытки белогвардейцев «противостоять красным закончатся катастрофой», и поэтому русским предлагалось «вернуться туда обратно» [Аблажей, 2003, с. 95, 81].

Вначале жители Якутии направились в Японию, так как там продолжало работать посольство Российской империи во главе с Д. И. Абрикосовым, которое занималось закупками оружия и снаряжения для Колчака, а после Гражданской войны обустроивало русских эмигрантов. Но 1 сентября 1923 года в районе Канто (инду-

стриальный район, занимающий территорию от Токио до Иокогамы) произошло разрушительное землетрясение, унесшее жизни 250 000 чел., уничтожившее столицу и крупнейший порт Японии — Иокогаму, причинившее ущерб в 55 трлн иен. Это стало национальным бедствием, многие предрекали, что Япония больше никогда не поднимется из руин. Часть радикально настроенных японцев обвинила в поджогах корейцев, и в результате было убито до 6600 выходцев из Кореи. Среди погибших оказалось около 60 русских эмигрантов. Поэтому Российское посольство и Япония спешно собрали средства для скорейшего выезда русских из района бедствия в Китай и Америку, а США прислали для этой цели свои корабли. Опасаясь расправы толпы, якутские эмигранты: В. И. Новгородов, Г. С. Ефимов, П. Д. Яковлев, Г. М. Кузьмин и Г. В. Никифоров — при финансовой поддержке якутского купца П. А. Кушнарева спешно бежали в Китай — Циндао, а оттуда в Дайрен и Харбин, а К. В. Ксенофонов — в Северную Америку [Аблажей, 2003, с. 108, 109; Багдарыын Сулбэ, 1995, с. 256; Багдарыын Сулбэ, 2000, с. 58; Хисамутдинов, 2013, с. 134, 135, 239].

Харбин был тогда административным и экономическим центром Маньчжурии и одним из крупнейших мест проживания русской диаспоры. С 1907 по 1920 годы в городе функционировало российское консульство, с 1924 по 1935 годы — советское генеральное консульство. Здесь же располагались администрация Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), представительства российских, а затем советских торговых фирм и хозяйственных организаций. В Харбине сложилась якутская колония в составе купцов Г. В. Никифорова, П. А. Кушнарева, Н. А. Аверенского, бывшего председателя Всеякутского областного народного управления (ВЯОНУ) Г. С. Ефимова, учителя Г. П. Хоютанова, писателя Ф. П. Гаврильева-Сольского, офицера А. А. Рязанского, общественного деятеля В. И. Новгородова и др. [Аблажей, 2007, с. 38—39; Вишневский, 2013, с. 126].

Что касается общей численности эмигрантов, то, по данным новосибирского историка Н. Н. Аблажей, якутов и тунгусов в одной только Барге (Маньчжурия) в конце 1920-х годов проживало более 1 тысячи человек. Из этого числа подавляющее большинство составляли издревле кочевавшие по Восточной Сибири, Дальнему Востоку и Маньчжурии эвенки. По данным сахалинского историка-краеведа Н. В. Вишневского, в 1926 году с помощью местной администрации на южном Сахалине, принадлежавшем Японии, был построен поселок Отасу, где к 1934 году проживали 113 аборигенов во главе с Д. П. Винокуровым, из которых только несколько человек (семья самого Дмитрия Прокопьевича и его помощники) были якутами. Преобладающую часть составляли эвенки (тунгусы), нивхи (гиляки), уилта (ороки) [Аблажей, 2007, с. 37; Вишневский, 2013, с. 84, 86]. Общее же число эмигрантов из числа этнических якутской национальности с членами семей по индивидуальному расчету составляло приблизительно 100 чел. Ввиду географической отдаленности и оседлости массовой миграции якутов за пределы страны не наблюдалось.

3. Особенности коммуникации и адаптации якутских эмигрантов

Первые мигранты (Винокуровы, Кушнаревы и др.) из Якутии отбыли в 1919 году, а последние из числа беглых узников Соловков — в 1931 году. *Первый этап* формирования якутской эмиграции был связан с бегством в 1919—1923 годах из Якутии

противников советской власти. Так, в марте 1919 года причиной выезда супругов Винокуровых стал арест красными Михаила Зиновьевича за принадлежность к партии эсеров, а после свержения советской власти — увольнение с журналистской работы при колчаковщине. Однако в опросных листах эти мотивы эмиграции были сокрыты, и в качестве цели поездки указывалось лишь лечение жены Винокурова, что свидетельствовало об их плане по возвращению домой. Это не было спешным бегством под покровом ночи. Супружеская чета неторопливо собирала ящиками книги, подшивки газет, фамильные реликвии, фотографии, ставшие в эмиграции основой «винокуровской коллекции». Добравшись от Якутска до Охотска, они в течение нескольких месяцев ожидали судно, а затем через Петропавловск-на-Камчатке 18 июля 1919 года прибыли в Токио, а оттуда в 1921 году — в США [Антонов, 2004, с. 117; Пирс, 1992, с. 161; Якимов, 1995, с. 64, 66; Харысхал, 2004б].

В 1922—1923 годах произошел процесс формирования якутской эмиграции сначала в Японии, а затем в Китае. С дореволюционного периода в эмигрантской колонии Маньчжурии присутствовал русский уклад жизни в полосе отчуждения КВЖД. Атмосфера российского колониального мира сгладила социокультурный конфликт между беженцами и принимающим обществом. Развитая инфраструктура в полосе отчуждения КВЖД ускорила процесс формирования эмигрантских диаспор различных национальностей из пределов бывшей Российской империи [Аурилене, 2004, с. 40]. В отличие от западных стран эмигранты в Маньчжурии находили кров, работу и привычный уклад жизни, максимально приближенный к старой, дореволюционной России [Ревакина, 2004, с. 19]. 30 октября 1920 года МВД Китая издало Правила обязательной регистрации эмигрантов в полиции, а в марте 1921 года китайское правительство издало указ о порядке регистрации и утвердило правила въезда в Китай из России. В мае 1924 года было подписано советско-китайское соглашение, согласно которому работа на КВЖД предоставлялась только гражданам этих двух стран [Аблажей, 2003, с. 68, 73; Хисамутдинов, 2013, с. 145].

Что касается якутских эмигрантов, то в основном сфера их трудовой деятельности не касалась КВЖД (за исключением Г. С. Ефимова). Г. В. Никифоров пытался в Харбине торговать пушниной, но его «Якутское торговое товарищество» обанкротилось, поскольку советско-британская пушная компания «Рылов-Лесников» взяла у него на реализацию крупную партию ценной пушны, разорилась и не смогла вернуть обещанных дивидендов. Тогда Гавриил Васильевич с семьей переехал в Мукден и занялся торговлей, но в результате банкротства в 1931 году Русско-Азиатского банка, членом правления которого он состоял, «сгорели» все его личные сбережения. После этого он нигде более не работал, занимаясь сдачей в аренду двух своих домов на станции Какакаши в Дайрене. Купец 1-й гильдии Н. А. Аверенский открыл в Харбине вино-бакалейную лавку, но ввиду острой конкуренции дела шли скверно [Борисова, 2001; Васильев, 2004, с. 121; Харысхал, 2001а; Харысхал, 2004в]. И лишь П. А. Кушнареву удалось добиться успеха в бизнесе, открыв Русско-американскую молочную ферму, обеспечивающую г. Циндао свежими молочными продуктами. Работниками состояли как русские, так и китайцы. Домашними учителями дочери Кушнаревых были англичанка и француз [Харысхал, 2004в].

Человеку физического труда в Зарубежье адаптироваться было легче, чем интеллектуалу [Косых, 2019, с. 75]. Многим эмигрантам приходилось начинать практически с нуля. Так, Г. П. Хоютанову и Ф. П. Гаврильеву-Сольскому пришлось зарабатывать на жизнь рыбацким трудом в артели японца Такасимы, а с 1923 года — на еще более тяжелой работе при строительстве железной дороги в Чань-Чуне. П. Д. Яковлев купил автобус, куда взял кондуктором Хоютанова, помог А. А. Рязанскому обучиться на шоферских курсах весной 1924 года. Сам Яковлев тоже сдал на водительские права и с Гаврильевым-Сольским, Хоютановым организовал перевозку пассажиров на автобусе, купленном Г. В. Никифоровым. С 1921 по 1925 годы И. А. Кириллин работал в английской компании «Gudzon bej» в Харбине. Г. М. Кузьмин служил в еврейской фирме в Тяньзине, но едва сводил концы с концами [Харысхал, 2002, с. 18, 19; Харысхал, 2004a].

Сын Г. В. Никифорова Анатолий (1910—1945) через Сахалин и Японию добрался до Китая, где овладел китайским и английским языками, женился в 1933 году на Клавдии Максимовне, которая заведовала хозяйственной частью ресторана «Ханза». В 1923—1926 годах он учился в американской школе в Циндао, в 1929—1931 — в 1-м Русском реальном училище, в 1932 — на шоферских курсах. В 1933 году он поступил на работу приказчиком в крупнейшую торговую фирму на КВЖД к И. Я. Чурину в Мукден. В 1935—1939 годах проживал в г. Циндао, где работал в Русско-Американской молочной фирме Кушнаревых. В 1939—1940 годах работал охранником на вагоностроительном заводе в Дайрене [ГАХК, ф. р. 830, оп. 3, д. 33562, лл. 1, 1 об., 3, 5 об., 7, 9, 10].

Изредка происходили встречи близких родственников с эмигрантами. Так, оставшаяся в СССР жена Г. В. Никифорова Мария Петровна с дочерьми Еленой и Ларисой, зятем из Иркутска приехали в Харбин в 1927 году. Но к этому моменту Гавриил Васильевич уже повторно был женат на русской женщине из Вятской губернии. Никифоров предлагал своей семье остаться в Китае, но уязвленная Мария Петровна не согласилась и вернулась в Иркутск к дочери Ларисе. Ее сын Иван как «японский шпион» и «сын эмигранта» оказался до 1956 года в ГУЛАГе. Однако 19 декабря 1928 года был принят циркуляр НКВД «О выезде за границу граждан СССР по частным вопросам», согласно которому поездки «для свидания с родственниками» запрещались [Аблажей, 2007, с. 65; Васильев, 2004, с. 121].

Некоторые эмигранты (например, бывший доверенный торговой фирмы Г. В. Никифорова В. И. Новгородов) получали из Якутии денежные переводы для лечения. Василий Иннокентьевич переписывался с родными братьями Г. И. Новгородовым и А. И. Новгородовым (впоследствии доктор исторических наук, профессор), с Ефимовыми и другими родственниками из Верхоянского округа. Вернувшийся в Якутию И. А. Кириллин переписывался с эмигрантами Никифоровым, Кушнаревым и Аверинским [Багдарыын Сулбэ, 2000, с. 59, 92].

Отдельные якуты приняли гражданство иностранного государства, где они проживали. Так, Г. С. Ефимов прибыл в Иокогаму в Японию в 1922 году, где занялся в качестве репетитора частными уроками. В 1923 году он приехал в Дайрен, в 1924 — в Харбин, где также продолжил репетиторскую деятельность. С 1927 года преподавал русский язык в подготовительных классах на китайском отделении фа-

культета. В начале 1930-х годов в Маньчжурии действовало 74 русских учебных заведений, не считая вузов, спецшкол и кратковременных курсов. Из них 43 работали в Харбине, 31 — на КВЖД. Общее число учащихся составляло около 18 тыс. чел. [ГАХК, ф. Р830, оп. 3, д. 15084, л. 6 об; Аурилене, 2008, с. 21].

Ефимов встретил в Китае своих бывших китайских однокурсников по Томскому университету, которые к тому времени уже стали крупными чиновниками и генералами и привлекли его на работу в качестве домашнего учителя. По их же протекции Георгий Семенович в 1929 году стал бухгалтером счетно-финансового отдела, в 1932—1935 годах — старшим делопроизводителем, помощником начальника отдела канцелярии правления КВЖД. Был женат на русской эмигрантке — А. М. Каргополовой. По воспоминаниям родного брата А. С. Ефимова, работавшего бухгалтером на разных железнодорожных станциях в период сталинских репрессий, он на одном поезде из Китая встретил в качестве машиниста и под видом китайца родного брата Г. С. Ефимова, разъезжавшего по территории СССР. По данным писателя И. Е. Федосеева, Георгий Семенович являлся кадровым советским разведчиком и принял под именем Е-Бовень китайское подданство в 1943 году [ГАХК, ф. р. 830, оп. 3, д. 15084, л. 6 об.; Федосеев, 1997, с. 131—132, 135; Харысхал, 2001б; Харысхал, 2003а]. Как видим, Китай стал центром этнической эмиграции из Якутии и в дальнейшем, как свидетельствуют факты, центром «сетевого сообщества якутов» [Романова, 2018, с. 143]. Этническая идентичность в эмиграции стала ресурсом социальной общности [Черникова, 2018, с. 370]. Проживавшие сначала в Японии, а позднее в Китае якутские эмигранты представляли собой *центральную локальную группу*, тесно взаимодействующую с другими *локальными микрогруппами и колонией* якутов в разных странах мира. В отличие от других национальностей (евреев, украинцев, армян, среднеазиатских тюрок-мусульман и т. д.) у якутов ввиду их крайней малочисленности отсутствовали общественные и корпоративные организации, представлявшие их права и национальные интересы перед местными властями [Ревакина, 2004, с. 20].

Второй этап формирования якутской эмиграции был связан с переселением якутских эмигрантов из Японии и Китая в США и Австралию. Так, с июля 1919 года по ноябрь 1921 года супруги М. З. и А. С. Винокуровы проживали в Японии, где изучали японский язык, а Михаил получил место певца на клиросе в Русском соборе в Токио. В январе 1921 года они мигрировали в Сан-Франциско и далее в Питсбург, Пенсильванию, Нью-Йорк и окончательно обосновались в Вашингтоне, где 15 ноября 1921 года при содействии Русской православной церкви Михаил Зиновьевич получил должность ассистента Славянского отдела Библиотеки Конгресса США, чьи фонды отличались крайней скудостью русской литературы и источников [Пирс, 1992, с. 161, 163; Якимов, 1995, с. 66, 67; Харысхал, 2004б]. За 22 года работы, к 1944 году, Винокуров пополнил фонды Библиотеки Конгресса 923 ящиками, в том числе документами Русского посольства в США, а также книгами, газетами, журналами, фотографиями и др. В одном только 1927 году из церковных архивов Нью-Йорка было передано в Библиотеку Конгресса 702 коробки [Пирс, 1992, с. 162, 163].

В конце 1928 года в Филадельфии вышла статья Винокурова под заглавием «Это нужно сделать!», где содержался призыв ко всем эмигрантам оказать со-

действие в подготовке библиографии всех русских публикаций в США, что способствовало сбору и пропаганде интеллектуального наследия русской эмиграции в Америке. В 1940 году Винокуров собрал за три месяца на Аляске 150 коробок с различными документами, из которых 50 были отосланы в архив Института Г. Гувера, а 100 планировалось отправить в Якутскую АССР. Вымокшие в сырых подвалах, высушенные и рассыпавшиеся кусочки рукописей Михаил Зиновьевич складывал по буквам и приклеивал к целлулоиду. Он собирал также книги и рукописи на якутском языке писателей А. Е. Кулаковского, П. Н. Черных-Якутского, И. Т. Максимова, записи олонхо «Юрюн уолан» («Белый юноша») и др. Так была предотвращена гибель исторических ценностей, проливающих свет на российско-американские связи. Православный храм на острове Кодьяк с богатым архивом, куда Михаила Зиновьевича отказались впустить в 1940 году, сгорел дотла в 1943.

Нью-Йоркская ежедневная газета «Новое русское слово» от 3 мая 1931 года высоко отозвалась о коллекции Винокурова как «о самом сильном монументе, созданном русскими культурными силами Америки за многие годы» [Борисова, 2001; Пирс, 1992, с. 164, 163; Якимов, 1995, с. 68—69, 71—72, 76, 78, 79, 85; Харьсхал, 20046]. Винокуров переписывался со своим старшим братом, ихтиологом, участником Якутской комплексной экспедиции Т. З. Винокуровым до середины 1930-х годов, с поэтом П. Н. Черных-Якутским, библиографом Н. Н. Грибановским, филологом Э. К. Пекарским, автором якутской грамматики, бывшим польским ссыльным С. В. Ястремским и другими [Якимов, 1995, с. 67, 83; Харьсхал, 20046]. Титаническая работа Винокурова по поиску, пополнению фондов Библиотеки Конгресса российской (в том числе якутской) литературой, направленная на содействие межкультурной коммуникации посредством сохранения историко-культурного наследия народов Якутии и России, сделала возможным ее изучение интеллектуалами западной цивилизации [Ревакина, 2004, с. 23].

В Северной Америке в 1922—1928 годах якут-эмигрант, родной брат выдающегося якутского этнографа, историка, фольклориста, религиоведа, общественно-политического деятеля Г. В. Ксенофонтова — Константин Ксенофонтов занимался составлением истории индейцев, переписывался со своими родным [Багдарыын Сулбэ, 1995, с. 181].

В Китае после вынужденного своего увольнения из КВЖД А. А. Рязанский поступил переводчиком в англо-китайскую торговую фирму. Владение английским языком позволило ему стать журналистом, освещавшим разнообразные вопросы политики и культуры. В частности, он публиковался в журнале «China Weekly Review», издававшемся в Шанхае в 1917—1953 годах, и параллельно был торговым агентом американской кинокомпании в Китае. С 1946 года он занялся перевозкой нефтепродуктов, но из-за неудачи в бизнесе с семьей переехал в Австралию, где открыл небольшую судовую компанию [Харьсхал, 2002, с. 18, 21; Харьсхал, 2015, с. 46, 55, 60].

Важнейшей формой выживания, обмена информацией между эмигрантами на чужбине стала переписка. Сохранилось ограниченное число писем на разных шрифтах якутского языка. Так, А. А. Рязанский отправлял письма, напечатанные на машинке английским шрифтом на латинской графике якутского языка С. А. Новгородова, а Д. П. Винокуров — на кириллической основе алфавита О. Н. Бётлингга

[Харысхал, 2003]. Именно из письма своего родного отца Асклифеодот Афанасьевич узнал о глубоких сожалениях репатриантов, вернувшихся домой. После подавления движения конфедералистов в Якутии в 1928 году его отца А. П. Рязанского репрессировали в том числе и по обвинению, что его родной сын Асклифеодот являлся одним из командиров повстанцев, пепелявцем и политэмигрантом. Частную переписку отца и сына расценили как преступное «информирование эмиграции». Асклифеодот Афанасьевич переписывался с якутскими эмигрантами в Финляндии, Северной Америке и Китае. В своем письме к Е. Е. Старостину в Финляндию Асклифеодот Афанасьевич жаловался, что письма из Якутска задерживаются и иногда вовсе не приходят ввиду перехвата их органами ОГПУ [Антонов, 1999, с. 56; Харысхал, 2002, с. 21; Харысхал, 2004б; Харысхал, 2015, с. 46]. *Микрогруппы якутских эмигрантов* в США и Австралии сохранили и развили свои связи путем переписки с другими локальными группами якутов.

Третий этап формирования якутской эмиграции связан с перемещением за границу лиц во второй половине 1920 — начале 1930-х годов, когда уже советская власть окончательно утвердилась на всей территории страны. Так, после территориальной уступки Японией северного Сахалина СССР в 1925 году 150 якутов, эвенков, нивхов, уильга, не пожелавших остаться под властью коммунистов, во главе с предпринимателем Д. П. Винокуровым бежали в южную японскую часть Сахалина (Карафуто). В 1926 году с помощью японской администрации был построен поселок Отасу, где они занимались охотничьим промыслом, рыболовством и оленеводством. Дмитрий Прокопьевич получал от продажи китайцам за 400 граммов пантов оленей 138 иен, то есть 2-месячную зарплату аборигена. Писатель В. Санги утверждал, что крупные предприниматели Японии, Китая и Кореи почитали за честь приехать на отдых к Винокурову на Сахалин. Старики нивхи очень уважали Дмитрия Прокопьевича [Вишневыский, 2013, с. 84, 86; Степанов, 2014; Харысхал, 2003б].

Судьба якутской эмиграции за рубежом была драматичной, так как часть ее не смогла адаптироваться к условиям чуждой цивилизации. К примеру, в Северной Америке в 1928 году скончался от тоски по родине К. В. Ксенофонов. В расцвете своих сил из-за злоупотребления алкоголем умер Г. М. Кузьмин в Харбине и от туберкулеза — Ф. П. Гаврильев-Сольский в Мукдене. Доверенный фирмы «А. В. Швецов и сыновья» М. М. Бережнев не мог трудоустроиться в Китае в течение 7 лет, содержал своих престарелых родителей, разорился и тяжело заболел [Багдарыын Сулбэ, 1995, с. 180, 181, 182, 59; Харысхал, 2002, с. 22; Харысхал, 2003а; Харысхал, 2004а].

Репрессированные якуты М. Ф. Корнилов, С. К. и Е. Е. Старостины сумели совершить дерзкий побег из Соловецкого концлагеря в Финляндию. Побег был успешно совершен 25 июня, а 5 июля 1931 года беглецы сдались финским властям. 22 мая 1935 года Корнилов написал воспоминания о своей жизни, эта рукопись была впервые опубликована в 1989 году в Хельсинки под названием «Из Сибири в Финляндию». В первое время беглецы находились в лагере для интернированных лиц, откуда наудачу разослали объявления в различные эмигрантские газеты [Борисова, 2001; Из Сибири ..., 1989]. Узнав о бедственном положении якутов

в Финляндии, из Китая Г. В. Никифоров и А. А. Рязанский оказали им финансовую помощь, обратились к представителю Особого комитета в Гельсингфорсе (Финляндия) А. Бушу с просьбой отпустить троих якутских беженцев, оказать содействие в поиске дешевого жилья и трудоустройстве. Из США 10 сентября 1931 года М. З. Винокуров тоже обратился к Бушу с предложением перевести беглецов в русский лагерь и просил игумена Валаамского монастыря приютить якутских беглецов [Харысхал, 2003в; Харысхал, 2004а].

В 1935 году Д. П. Винокуров добился разрешения министра обороны на въезд Корнилова и двух Старостинных из Финляндии на японскую часть Сахалина, но против выступил министр внутренних дел Японии. Поэтому последующие ходатайства Дмитрия Прокопьевича остались безрезультатными, удалось лишь выслать деньги бывшим заключенным Соловков. По совету Рязанского Корнилов принял гражданство Финляндии. Не все якуты-эмигранты оказали помощь Корнилову и двум Старостинным. Так, Г. С. Ефимов ничем не помог беглецам, чем глубоко разочаровал своих земляков [Харысхал, 2003а; Харысхал, 2003б].

В результате общих усилий якутские эмигранты были освобождены из лагеря интернированных. М. Ф. Корнилов стал торговцем коврами и информантом ученого Г. И. Рамстедта, Е. Е. Старостин — кожевным мастером, С. К. Старостин — информантом ученого Бьёрна Коллиндера. В местности Кила, на даче Б. Коллиндера якуты-эмигранты исполняли якутский тойук (песнопение), играли на варгане, а С. К. Старостин (1900—1975) камлал в шаманском одеянии. Рамстедт был известен своими трудами, посвященными сравнительному анализу тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков. Неграмотный С. К. Старостин, ставший на протоколах допросов в ОГПУ отпечатки пальцев рук, научился говорить и писать на трех, а также изъясняться на двух иностранных языках. Малограмотный Корнилов также сумел изучить несколько иностранных языков. Трое якутов вступили членами в угро-финское научное общество Финляндии и были востребованы в нем [Из Сибири ..., 1989; Багдарыын Сулбэ, 1992, с. 41, 42, 44, 48, 63, 67, 68, 89].

Их призвали в финскую армию, где Корнилов получил железный крест за отвагу и скончался от ран в поселке Ивало в Лапландии в 1942 году. С. К. Старостин после поражения Финляндии в войне переехал жить в Швецию, где дожил до 75 лет. Е. Е. Старостин (1889—1944) дослужился до звания капрала, получил орден Свободы (примерно равнозначен званию Героя Советского Союза) и пропал без вести в местности Валкеасаари в июне 1944 года. Против милитаристской Японии воевал призванный в 1942 году в британскую армию А. А. Рязанский [Борисова, 2001; Багдарыын Сулбэ, 1992, с. 61, 62, 90, 108; Харысхал, 2015, с. 46].

Как видим, одной из крупных по своей численности (якуты, эвенки) *колоний* эмигрантов была сахалинская колония во главе с интеллектуалом и предпринимателем Д. П. Винокуровым, претендовавшая на консолидацию и координацию жизнедеятельности всей якутской эмиграции путем съездов и под идейным главенством японского империализма [Антонов и др., 2018, с. 124—128]. Все *локальные группы и микрогруппы* якутских эмигрантов имели тесную взаимосвязь и активно взаимодействовали. Процесс интеграции разрозненной российской эми-

грации завершился под влиянием внешнего фактора — оккупации северо-востока Китая Японией, которая сформировала Бюро по российским делам в Маньчжурии (БРЭМ) — властный орган, обеспечивавший жизнедеятельность и этнокультурное воспроизводство всех переселенцев из России [Аурилене, 2004, с. 98, 99].

4. Репатриация якутских эмигрантов

Советская власть на протяжении всей первой половины 1920-х годов объявляла политические амнистии дважды в год (к очередной годовщине Октябрьской революции и Первомаю). 3 ноября 1921 года ВЦИК издал декрет «Об амнистии лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских организациях». Из Китая в СССР было репатрировано в 1923 году 1,3 тыс., в 1924 — 9 тыс., в 1925 — 16 тыс., в 1926 — 23 тыс., в 1927 — 27 тыс. чел. По инициативе советских дипломатических представительств в Харбине работал Союз возвращенцев (репатриантов) во главе с М. Фомичевым. 3 декабря 1924 года за подписью П. А. Ойунского вышло постановление ЯЦИК об амнистии эмигрантов-якутов, проживающих в Харбине: Ф. П. Гаврильева, К. В. Ксенофонтова, Г. М. Кузьмина, Г. В. Никифорова, В. И. Новгородова, А. А. Рязанского, Г. Хоютанова. После этого в Харбин приехали уполномоченный по делам Якутторга М. Н. Тимофеев-Терешкин и служащий потребкооперации «Холбос» И. Т. Максимов, которые встретились практически со всей якутской колонией и призывали эмигрантов вернуться домой. В результате и началась репатриация [Аблажей, 2007, с. 56, 58, 63; Хисамутдинов, 2013, с. 202, 203; Багдарыын Сулбэ, 2000, с. 59, 61].

Однако репатрианты и реэмигранты стали одной из категорий населения, в отношении которых начался беспощадный террор, развернутый согласно оперативному приказу НКВД СССР от 30 июля 1937 года. В ходе реализации приказа на территории Сибири было сфабриковано широкомасштабное «дело РОВС». Вернувшиеся «харбинцы», к которым причислялись выезжавшие советские специалисты и даже командировочные, квалифицировались как агентура японской и отчасти китайской разведок. Согласно оперативным данным НКВД, в рамках «харбинской операции» в сентябре 1938 года было осуждено 34 511 чел., в том числе приговорены к расстрелу — 22 942 чел., к 8—10 годам лишения свободы — 10 904 чел., высланы из страны — 379 чел., оставшиеся осуждены на 5 лет ИТЛ либо на поселение [Аблажей, 2007, с. 118, 131, 133].

В 1925 году вернулась в Якутию из Китая супружеская чета В. И. Новгородова и А. И. Павловой, но в 1928 году Василий Иннокентьевич был приговорен по обвинению в участии в антисоветском движении конфедералистов к 10 годам лишения свободы (позже срок был сокращен до 8 лет). Роковую роль в ходе следствия сыграл донос бывшего командира ударного отряда губчека, отличившегося особой жестокостью в отношении мирного населения в годы Гражданской войны К. А. Сокольников, обвинявшего эмигранта в попытке втянуть в антисоветский мятеж русских белогвардейцев. Репатриацию Василия Иннокентьевича доносчик расценил как его желание участвовать в заговоре П. В. Ксенофонтова и М. К. Артемьева. Новгородов был освобожден из Соловков в августе 1935 года, но накануне Великой

Отечественной войны был вновь арестован, жестоко избит в тюрьме Калининской области, где ослеп и скончался [Багдарыын Сулб, 2000, с. 60—63, 65].

П. Д. Яковлев подал в Харбине заявление с просьбой о разрешении вернуться домой, в советскую Якутию, был амнистирован, стал заместителем наркома торговли Якутской АССР. В 1929 году его приговорили к 3 годам лишения свободы и в дальнейшем отправили в ссылку по обвинению в участии в контрреволюционном выступлении. После отбытия наказания в исправительно-трудовом лагере он проживал в г. Калинин, но 7 декабря 1938 года был вновь арестован и приговорен 19 апреля 1939 года военной коллегией Верховного суда СССР к 8 годам исправительно-трудовых лагерей, где скончался 11 апреля 1944 года [Дьяконова, 2002, с. 198, 199; Клиорина, 2002, с. 27; Харысхал, 2002, с. 20].

14 февраля 1938 года Особое совещание при НКВД приговорило своим постановлением вернувшегося в 1925 году на родину И. А. Кириллина к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение 14 апреля 1938 года в г. Якутске. В обвинительном заключении арестованный обвинялся в шпионской разведывательной работе в пользу Японии и в прибытии с этой целью в 1925 году в Якутскую АССР, а также в поддержке связи с эмигрантами Г. В. Никифоровым, П. А. Кушнаревым и Аверинским [Багдарыын Сулбэ, 2000, с. 92, 93].

Служащего магазина Г. В. Никифорова, ездившего в Китай с П. А. Куликовским для приглашения в Якутию генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева, амнистированного в 1926 году С. П. Попова (1893—1992), коллегия ОГПУ приговорила 10 декабря 1928 года к лишению свободы сроком на 5 лет. Он отбывал наказание в Соловках, где выжил, вернулся на родину, обзавелся семьей. Возвратившегося из Харбина в Якутию Г. П. Хоютанова (1894—1938) по приговору оперативной «тройки» НКВД расстреляли [Багдарыын Сулбэ, 2000, с. 106, 107; Харысхал, 2002, с. 17].

Как видим, острая тоска по Родине, прекращение кровопролитного повстанческого движения в Якутии преимущественно путем массовых амнистий, высокий авторитет председателя ЯЦИК П. А. Ойунского среди национальной интеллигенции возродили среди якутских эмигрантов надежды на успешную репатриацию. И даже такие «закоренелые» борцы против советской власти, как купец и один из организаторов борьбы против советской власти в годы Гражданской войны Г. В. Никифоров, а также один из руководителей органа управления белоповстанцев А. А. Рязанский, не порицали возвращенцев. Однако никому из репатриантов на Родине выжить не удалось, поскольку все они пали жертвами карательных органов страны Советов.

5. Заключение

Таким образом, приблизительное число якутских эмигрантов составляло 100 чел., точную численность эмигрантов трудно установить. Территориально якутские эмигранты проживали локальными группами в Китае (центр эмиграции), Японии (южная часть Сахалина), Финляндии, микрогруппами в США и Австралии. Якуты-эмигранты имели пестрый состав, начиная от интеллектуалов и предпринимателей и заканчивая неграмотными оленеводами и скотоводами (на Сахалине).

Можно выделить три этапа эмиграции якутов. На *первом этапе* складывалась колония якутов-эмигрантов после поражения повстанчества в Якутии. В 1922—1923 годах диаспора якутов сформировалась в Японии и перебралась затем в Китай. «Китайские якуты» — *центральная локальная группа* — тесно взаимодействовали с другими *периферийными микрогруппами и колонией* якутов в других странах мира. *Второй этап* был связан с переселением якутских эмигрантов из Китая в США и Австралию. *Микрогруппы якутских эмигрантов* в этих странах сохранили и развили свои связи путем переписки с другими локальными группами якутов. *Третий этап* формирования якутской эмиграции связан с перемещением за границу лиц во второй половине 1920 — начале 1930-х годов, когда уже советская власть окончательно утвердилась на всей территории страны. Одной из крупных по своей численности (якуты, эвенки) *колоний* эмигрантов стала сахалинская колония во главе с интеллектуалом и предпринимателем Д. П. Винокуровым, претендовавшая на консолидирующую и координирующую роль локальных групп якутов-эмигрантов путем организации на южном Сахалине съездов под руководством японских милитаристов. Все *локальные группы и микрогруппы* якутских эмигрантов имели тесные связи и активно взаимодействовали. Формальная организация якутов с зарегистрированным уставом и членством отсутствовала, но можно говорить о едином в мировом масштабе *коммуникативном сообществе* якутов-эмигрантов с единым организационным, идейным (национальным), финансовым началом. В этом и заключалось отличие якутской малочисленной неформальной диаспоры в Зарубежье от других национальных колоний. Якутяне активно оказывали друг другу финансовую и моральную поддержку. Кроме того, наблюдались отдельные посещения эмигрантов родственниками из Якутии.

В цивилизационно чуждых странах адаптация даже богатых якутов имела огромные сложности из-за финансового краха, последствиями которого стали случаи алкоголизма и даже суицида. В условиях острой конкуренции на рынке труда в чужих странах беглецам пришлось все начинать с нуля — с малооплачиваемого физического труда и упорного изучения иностранных языков. Характерным также стала высокая степень мобильности, когда в поисках лучшей доли мигранты вынуждены были часто менять места работы и проживания, обучаться и осваивать новые специальности в учебных заведениях. С целью выживания некоторым якутским эмигрантам пришлось принять иностранное подданство. Якутам присуще было стремление к творческим формам деятельности — исследовательской, журналистской, библиографической и др. Эмигранты как патриоты малой родины — России — с оружием в руках достойно защищали свободу стран, приютивших их за границей. Все это показывает склонность первого поколения якутов в отличие от других национальных общин к интеграции в жизнь «второй Родины», что говорит об установлении ими коммуникаций с институтами и гражданами страны пребывания [Волошина, 2011, с. 72, 73]. Адаптация якутских эмигрантов не привела к формированию механизма воспроизводства этнической идентичности (языка, культуры) на чужбине, которую их потомки полностью утратили.

Безысходная тоска по Якутии, прекращение повстанчества не только военным, но и мирным путем, высокий авторитет руководства автономной республики про-

будили надежды якутской эмиграции на успешное возвращение домой. Наиболее ярые противники советской власти не возражали против репатриации, но все возвращенцы были репрессированы органами НКВД по обвинению в участии в контрреволюционном и националистическом движении и шпионаже в пользу Японии.

Источники

1. ГАХК — *Государственный архив Хабаровского края*. Ф.Р. 830. Оп. 3. Д. 15084, 33562.
2. *Из Сибири* в Финляндию (История одного дерзкого побега) // Молодежь Якутии. — 1989. — 3 августа.
3. *Клиорина И. С.* Работай, гипоталамус, работай! Воспоминания о детстве и юности 1915—1937 гг. [Рукопись] / И. С. Клиорина. — 2002. — Ч. 1. — 89 с.
4. *Харысхал В.* Поездка в Страну вчерашнего дня / В. Харысхал // АиФ на Севере. — 2001а. — № 40.
5. *Харысхал.* Алаас ортоугар ууммут соботох бэс / Харысхал // Саха Сирэ. — 2003. — Муус устар 19 к.
6. *Харысхал.* Бэбэһэни кун дойдутугар айан / Харысхал // Саха Сирэ. — 2004а. — Муус устар 19 к.
7. *Харысхал.* Бэбэһэни кун дойдутугар айан / Харысхал // Саха Сирэ. — 2004б. — Муус устар 30 к.
8. *Харысхал.* Бэбэһэни кун дойдутугар айан / Харысхал // Саха Сирэ. — 2004в. — Ыам ыйын 14 к.
9. *Харысхал.* Кытай подданнайа Е. Бовень / Харысхал // Орто Дойду. — 2001б. — Тохсунньу 11 к.
10. *Харысхал.* Манньыаттаах уолун суруктара / Харысхал // Саха Сирэ. — 2003а. — Ыам ыйын 17 к.
11. *Харысхал.* Сахалин саарына — Дьанхаады сахата / Харысхал // Саха Сирэ. — 2003б. — Ыам ыйын 31 к.
12. *Харысхал.* Сомоҕо да комускэ бэриллибэт суруктар / Харысхал // Саха Сирэ. — 2003в. — Кулун тутар 23 к.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблажей Н. Н.* Сибирское областничество в эмиграции / Н. Н. Аблажей. — Новосибирск : Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. — 304 с.
2. *Аблажей Н. Н.* С востока на восток : Российская эмиграция в Китае / Н. Н. Аблажей. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. — 300 с.
3. *Антонов Е. П.* Обостренное чувство справедливости (О судьбе А. П. Рязанского) / Е. П. Антонов // Полярная звезда. — 1999. — № 1. — С. 54—56.
4. *Антонов Е. П.* Супружеская чета Винокуровых — эмигранты из Якутии / Е. П. Антонов // Якутский архив. — 2004. — № 4. — С. 113—117.
5. *Антонов Е. П.* К вопросу о политической деятельности якутских эмигрантов / Е. П. Антонов, В. Н. Антонова // Клио. — 2018. — № 10. — С. 124—128.
6. *Аурилене Е. Е.* Особенности адаптации эмигрантов в 1920—1950-е гг. / Е. Е. Аурилене // Россия и АТР. — 2004. — № 3. — С. 94—101.
7. *Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае. 1920—1950-е гг. / Е. Е. Аурилене. — Хабаровск : Част. Коллекция, 2008. — 268 с.

8. *Аурилене Е. Е.* Российская эмиграция в Китае (1920—1950-е гг.) : автореферат диссертации ... доктора исторических наук / Е. Е. Аурилене. — Хабаровск, 2004. — 48 с.
9. *Багдарыын Сулбэ.* Вечная память им! Художественные очерки / Багдарыын Сулбэ. — Якутск : Бичик, 1995. — 272 с.
10. *Багдарыын Сулбэ.* Превратности судьбы : документально-художественный очерк / Багдарыын Сулбэ. — Якутск : Книжное Издательство, 1992. — 176 с.
11. *Багдарыын Сулбэ.* Непроходящая боль / Багдарыын Сулбэ. — Якутск : Бичик, 2000. — 240 с.
12. *Борисова А.* Тени исчезают во вчерашнем дне / А. Борисова // Якутия. — 14 сентября 2001.
13. *Васильев В. Е.* «Русский эмигрант (якуть)» / В. Е. Васильев // Якутский архив. — 2004. — № 4. — С. 118—121.
14. *Вишневский Н. В.* Отасу. Этнополитические очерки / Н. В. Вишневский. — Южно-Сахалинск : Государственное бюджетное учреждение культуры «Сахалинский областной краеведческий музей», 2013. — 284 с.
15. *Волошина В. Ю.* Роль коммуникативных связей в социальной адаптации научного социума Зарубежья в 1920—1930-е гг. / В. Ю. Волошина // Вестник Омского университета. — 2011. — № 1. — С. 68—75.
16. *Дьяконова Н. Н.* Якутская интеллигенция в национальной истории : судьбы и время (конец XIX в. — 1917 г.) / Н. Н. Дьяконова. — Новосибирск : Наука, 2002. — 240 с.
17. *Игнатъева В. Б.* Национальный состав населения Якутии (Этно-статистическое исследование) / В. Б. Игнатъев. — Якутск : МГП «Полиграфист» ЯНЦ СО РАН, 1994. — 144 с.
18. *Косых Е. С.* Русская эмиграция после революции : трудности адаптации / Е. С. Косых // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2019. — № 13. — С. 74—77.
19. *Краткая грамматика якутского языка / сост. протоиреем Д. Хитровым.* — Москва : Синодальная типография, 1858. — 137 с.
20. *Пирс Р. М.* З. Винокуров — эмигрант, ученый и библиофил / Р. Пирс // Полярная звезда. — 1992. — № 3. — С. 160—164.
21. *Ревякина Т. В.* Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае (начало 1920 — середина 1940-х гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Т. В. Ревякин. — Москву, 2004. — 32 с.
22. *Романова Е. Н.* Якутские эмигранты в Китае (1920—1940-е гг.) / Е. Н. Романова // Клио. — 2018. — № 9. — С. 140—144.
23. *Степанов В.* Сахалин табалаах ыраахтаабыта / В. Степанов // Кыым. — 2014. — Блэм ыйын 29 к.
24. *Федосеев И. Е.* Олох диэн охсуһуу. Ыстатыйалар, очеркалар, рецензиялар, ахтыылар. (Жизнь — борьба : статьи, очерки, рецензии, воспоминания) (на якут. яз.) / И. Е. Федосеев. — Якутск : Бичик, 1997. — 464 с.
25. *Харысхал.* Ааспыт кэм аартыктарынан / Харысхал. — Якутск : ДНиСПО, 2002. — Ч. 1. — 60 с.
26. *Харысхал В.* Эмигрант Асклиподот Рязанский : «... думать о возвращении на родину в ближайшие годы не приходится, даже весьма возможно, что мы никогда не вернемся ...» / В. Харысхал // Илин. — 2015. — № 1—2. — С. 43—60.
27. *Хисамутдинов А. А.* Русские волны на Пасифике : Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет / А. А. Хисамутдинов. — Пекин, Владивосток : Издательство «Рубеж», 2013. — 640 с.

28. Черникова Л. П. Российская эмиграция в Китае (1900—1949 гг.) / Л. П. Черникова // Труды Института Востоковедения РАН. — 2018. — № 9. — С. 338—380.

29. Якимов О. Д. Человек из небытия / О. Д. Якимов. — Якутск : Бичик, 1995. — 120 с.

YAKUT EMIGRATION: FEATURES OF ADAPTATION AND COMMUNICATION¹

© Egor P. Antonov (2019), orcid.org/000-0002-5779-6893, PhD in History, associate professor, leading scientific researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), Antegor@yandex.ru.

© Venera N. Antonova (2019), orcid.org/0000-0002-8372-4893, PhD in Pedagogics, associate professor, Department of Social Pedagogy of the Pedagogical Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia), Antegor@mail.ru.

The issues of adaptation of Yakut emigrants forced to escape the revolution, the Civil War and the Gulag to different countries are considered. The role of Yakut emigrants in the preservation of national-cultural identity is described. Their participation in the civilizational dialogue between East and West is emphasized. A classification of the stages of the formation of local groups and microgroups of Yakut emigrants in the countries of the world is suggested. The approximate number, composition and territorial distribution of Yakut emigrants in China (the central group), Japan (southern Sakhalin), Finland, and the presence of microgroups in the USA and Australia are established. Attention is paid to the specifics of interaction of Yakut emigrants in the absence of a registered organization through communication, in which organizational, ideological, material activities were carried out. It is proved that correspondence was carried out in Russian, English, and various transcriptions of the Yakut script were used: Bötlingkowski, Novgorodovski, Cyrillic. Particular attention is paid to the high mobility of the Yakut emigrants, their desire to master new languages, qualifications and education for successful adaptation abroad. It is concluded that the Yakut emigrants failed to form a mechanism for the reproduction of ethnic identity (language, culture) in a foreign land. It was established that there was no organized opposition to repatriation by Yakut emigrants, but all returnees were unreasonably repressed by the NKVD.

Key words: Yakut emigrants; communication; adaptation; intellectual heritage; correspondence; repatriation; People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR; NKVD; repression.

MATERIAL RESOURCES

ГАКХК — *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya*. F.R. 830. Op. 3. D. 15084, 33562. (In Russ.).

Iz Sibiri v Finlyandiyu (Istoriya odnogo derzkgogo pobega) (3 avgusta 1989). *Molodezh' Yakutii*. (In Russ.).

Kharyskhal, V. (2001). Poyezdka v Stranu vcherashnego dnya. *AiF na Severe*, 40. (In Russ.).

Kharyskhal. (2001). Kytay poddannaya E. Boven. In: *Orto Doydu*. Tokhsunnu 11 k. (In Yakut.).

Kharyskhal. (2003). Alaas ortotugar uummut soʻyotokh bes. In: *Sakha Sire*. Muus ustar 19 k. (In Yakut.).

Kharyskhal. (2003). Mannyattaakh uolun suruktara. In: *Sakha Sire*. Yam yyyin 17 k. (In Yakut.).

Kharyskhal. (2003). Sakhalin saaryna — Dankhaady sakhata. In: *Sakha Sire*. Yam yyyin 31 k. (In Yakut.).

¹ This article was prepared with the support of the grant from the Russian Foundation for Basic Research “Local and regional history in the global dimension: the world of Yakut emigration between East and West” № 18-09-00414. The authors are sincerely grateful to the anonymous reviewer for the valuable comments made, which made it possible to significantly improve the text of the article.

- Kharyskhal. (2003). Somoҕo da komuske berillibet suruktur. In: *Sakha Sire*. Kulun tutar 23 k. (In Yakut.).
- Kharyskhal. (2004). Beҕeheeni kun doydutugar ayan. In: *Sakha Sire*. Muus ustar 19 k. (In Yakut.).
- Kharyskhal. (2004). Beҕeheeni kun doydutugar ayan. In: *Sakha Sire*. Muus ustar 30 k. (In Yakut.).
- Kharyskhal. (2004). Beҕeheeni kun doydutugar ayan. In: *Sakha Sire*. Yam yyyn 14 k. (In Yakut.).
- Kliorina, I. S. (2002). Rabotay, gipotalamus, rabotay! [Rukopis’]. In: *Vospominaniya o detstve i yunosti 1915—1937 gg., I.* (In Russ.).

REFERENCES

- Ablazhey, N. N. (2003). *Sibirskoye oblastnichestvo v emigratsii*. Novosibirsk: Izdatelstvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN. (In Russ.).
- Ablazhey, N. N. (2007). *S vostoka na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitaye*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (In Russ.).
- Antonov, E. P. (1999). Obostrennoye chuvstvo spravedlivosti (O sudbe A. P. Ryazanskogo). *Polyarnaya zvezda, 1*: 54—56. (In Russ.).
- Antonov, E. P. (2004). Supruzheskaya cheta Vinokurovykh — emigranty iz Yakutii. *Yakutskiy arkhiv, 4*: 113—117. (In Russ.).
- Antonov, E. P., Antonova, V. N. (2018). K voprosu o politicheskoy deyatelnosti yakutskikh emigrantov. *Klio, 10*: 124—128. (In Russ.).
- Aurilene, E. E. (2004). Osobennosti adaptatsii emigrantov v 1920—1950-e gg. *Rossiya i ATR, 3*: 94—101. (In Russ.).
- Aurilene, E. E. (2004). *Rossiyskaya emigratsiya v Kitaye (1920—1950-e gg.): avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk*. Khabarovsk. (In Russ.).
- Aurilene, E. E. (2008). *Rossiyskaya diaspora v Kitaye. 1920—1950-e gg.* Khabarovsk: Chast’. Kolleksiya. (In Russ.).
- Bagdaryyn Sulbe. (1992). *Prevratnosti sudby: dokumentalno-khudozhestvennyy ocherk*. Yakutsk: Knizhnoye Izdatelstvo. (In Yakut.).
- Bagdaryyn Sulbe. (1995). *Vechnaya pamyat’ im! Khudozhestvennyye ocherki*. Yakutsk: Bichik. (In Russ.).
- Bagdaryyn Sulbe. (2000). *Neprokhodyashchaya bol’*. Yakutsk: Bichik. (In Russ.).
- Borisova, A. (14 sentyabrya 2001). *Teni ischezayut vo vcherashnem dne*. Yakutiya. (In Russ.).
- Chernikova, L. P. (2018). Rossiyskaya emigratsiya v Kitaye (1900—1949 gg.). *Trudy Instituta Vostokovedeniya RAN, 9*: 338—380. (In Russ.).
- Dyakonova, N. N. (2002). *Yakutskaya intelligentsiya v natsionalnoy istorii: sudby i vremena (konets XIX v. 1917 g.)*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Fedoseyev, I. E. (1997). Olokh dien okhsuhuu. Ystatyyalar, ocherkalar, retsenziyalar, akhtyyalar. (Zhizn’ — borba: stati, ocherki, retsenzii, vospominaniya). Yakutsk: Bichik. (In Yakut.).
- Ignatyeva, V. B. (1994). *Natsionalnyy sostav naseleniya Yakutii (Etno-statisticheskoye issledovaniye)*. Yakutsk: MGP «Poligrafist» YaNTs SO RAN. (In Russ.).
- Khitrovym, D. (ed.). (1858). *Kratkaya grammatika yakutskogo yazyka*. Moskva: Sinodalnaya tipografiya. (In Russ.).
- Kharyskhal. (2002). *Aaspyt kem aartyktarynan*. Yakutsk: DNiSPO, 1. (In Yakut.).

- Kharyskhal, V. (2015). Emigrant Asklipiodot Ryazanskiy: «... dumat' o vozvrashchenii na rodinu v blizhayshie gody ne prikhoditsya, dazhe vesma vozmozhno, chto my nikogda ne vernemsa ...». *Ilin*, 1—2: 43—60. (In Russ.).
- Khisamutdinov, A. A. (2013). *Russkiye volny na Pasifike: Iz Rossii cherez Kitay, Koreyu i Yaponiyu v Novyy Svet*. Pekin, Vladivostok: Izdatelstvo «Rubezh». (In Russ.).
- Kosykh, E. S. (2019). Russkaya emigratsiya posle revolyutsii: trudnosti adaptatsii. *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i sotsialno-ekonomicheskikh nauk*, 13: 74—77. (In Russ.).
- Pirs, R. (1992). M. Z. Vinokurov — emigrant, uchenyy i bibliofil. *Polyarnaya zvezda*, 3: 160—164. (In Russ.).
- Revyakina, T. V. (2004). *Problemy adaptatsii i sokhraneniya natsionalnoy identichnosti rossiyskoy emigratsii v Kitaye (nachalo 1920 — seredina 1940-kh gg.): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk*. Moskvu. (In Russ.).
- Romanova, E. N. (2018). Yakutskiy emigranty v Kitaye (1920—1940-e gg.). *Klio*, 9: 140—144. (In Russ.).
- Stepanov, V. (2014). *Sakhalin tabalaakh yraakhtaayta*. Kyyam. Yam yyyan 29 k. (In Yakut.).
- Vasilyev, V. E. (2004). «Russkiy emigrant (yakut)». *Yakutskiy arkhiv*, 4: 118—121. (In Russ.).
- Vishnevskiy, N. V. (2013). *Otasu. Etnopoliticheskiye ocherki*. Yuzhno-Sakhalinsk: Gosudarstvennoye byudzhetnoye uchrezhdeniye kultury «Sakhalinskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey». (In Russ.).
- Voloshina, V. Yu. (2011). Rol' kommunikativnykh svyazey v sotsialnoy adaptatsii nauchnogo sotsiuma Zarubezhya v 1920—1930-e gg. *Vestnik Omskogo universiteta*, 1: 68—75. (In Russ.).
- Yakimov, O. D. (1995). *Chelovek iz nebytiya*. Yakutsk: Bichik. (In Russ.).